

КРАНИОЛОГИЯ ГОРЦЕВ ПАМИРА (ПО КРАНИОМЕТРИЧЕСКИМ И КРАНИОФЕНЕТИЧЕСКИМ ДАНЫМ)

В.Ю. Бахолдина, А.А. Мовсисян

МГУ имени М.В. Ломоносова, биологический факультет, кафедра антропологии, Москва

Проведен параллельный анализ краниологических серий из Горного Бадахшана (Памир) по двум системам признаков, краниометрической и краниофенетической, основанной на дискретно-варьирующих признаках черепа. Серии принадлежат предкам нескольких современных групп памирцев: ишкашимцев, горанцев, рушанцев и шугнанцев и датируются XIII-XVI вв. н.э. Рассмотрена проблема антропологической гетерогенности памирцев и показано, что подобная гетерогенность действительно выявляется по краниологическим данным. Взаимное положение памирских серий (близость друг к другу серий из Ишкашима и Горана и удаленность от них серии из Рушана) соответствует данным этнолингвистики Памира. Проведение кластерного анализа с привлечением обширного сравнительного материала позволило осуществить параллельное сравнение памирцев с другими группами по двум системам признаков. В ходе этого сравнения подтвердилась некоторая монголоидность серии из Шугнана, которая отмечалась Ю.Г. Рычковым [Рычков, 1969], но до сих пор не была доказана статистически. В нашем исследовании вновь выявляется тяготение памирских серий к армянской краниологической серии, что еще раз подтверждает правомочность обсуждения проблемы возможной «арменоидности» памирцев, которая обсуждалась в антропологической литературе прошлого века. В то же время сближение памирских серий с ираноязычными скифами и осетинами дает основания предполагать, что подобное сходство может быть результатом участия древних ираноязычных племен в этногенезе широкого круга народов как Памира, так и Кавказа.

Ключевые слова: антропология, краниология, народы Памира, дискретно-варьирующие признаки

К 80-летию со дня рождения Ю.Г. Рычкова

Юрий Григорьевич Рычков (28.04.1932–14.11.1998) был одним из выдающихся представителей отечественной антропологии. Исследователь, преподаватель, мыслитель, создатель новых областей науки, он оказывал большое влияние на учеников, вовлекая их в круг своей интеллектуальной деятельности и особого стиля научного мышления. Моменты общения с Ю.Г. Рычковым навсегда сохраняются среди самых ярких страниц наших воспоминаний.

Изучение народов Памира сыграло особую роль в жизни и научной деятельности Ю.Г. Рычкова. Диссертация молодого ассистента кафедры антропологии (Юрию Григорьевичу было в то время немногим более 30 лет), представленная к защите на звание ученой степени кандидата биологических наук, была единодушно признана Ученым советом заслуживающей присуждения докторской степени. Действительно, эта работа в

то время представляла совершенно новое направление в антропологии, соединяя данные морфологии, краниологии и популяционной генетики. Кроме того, она содержала уникальные сведения о памирских народах, живущих в труднодоступных высокогорных условиях. На основе диссертации Ю.Г. Рычковым была написана монография «Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира)», вышедшая в свет в 1969 г. и сразу ставшая одним из ценнейших научных источников по этнической антропологии памирцев [Рычков, 1969].

В ходе экспедиции на Памир в 1957 г. Ю.Г. Рычковым была собрана обширная краниологическая коллекция, локальные серии которой происходят из районов Горан (XIII–XIV вв.), Ишкашим (XIV–XVI вв.), Вахан (XV–XVI вв.), Рушан (XVIII в.) и Шугнан (XIII–XIV вв.). Коллекция черепов хранится на кафедре антропологии биологического факуль-

тета МГУ имени М.В. Ломоносова, что дает возможность продолжить изучение этого уникального материала.

Памирские серии, собранные Ю.Г. Рычковым, были включены в материалы двух больших исследований, проведенных на кафедре антропологии биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и представленных в монографиях авторов данной статьи [Мовсесян, 2005; Бахолдина, 2007]. Эти исследования позволили вновь вернуться к памирским краниологическим сериям и рассмотреть их положение относительно других популяций в рамках двух систем признаков, краниометрических и краниофенетических, с применением методов современной статистики.

Обращение к проблемам антропологии Памира неизбежно ставит авторов данной статьи перед теоретической проблемой антропологической самостоятельности и целостности отдельных этнических групп памирцев и, в частности, проблемой этнической дифференциации в Горном Бадахшане, которая является центральной в монографии Ю.Г. Рычкова и может получить некоторое новое освещение на основе современных представлений об этногенезе. Позиция Ю.Г. Рычкова, изложенная в его книге, состоит в том, что памирские этнические группы не представляют собой отдельных антропологических вариантов, и различия между ними носят случайный характер, обусловленный изоляционными механизмами в условиях высокогорья. Поскольку устойчивые сочетания признаков в отдельных группах не выделяются, можно говорить лишь о памирском типе в целом. В отношении современного населения Ю.Г. Рычков обосновывает свою позицию, главным образом, анализом уровня морфологических корреляций, признавая, что полученные результаты в некоторых случаях достаточно противоречивы. Что касается краниологии, то автор отсылает читателя к таблице на с. 202 своей монографии, данные которой, по его мнению, говорят сами за себя, будучи сходными для всех локальных серий. Однако внимательное рассмотрение упомянутой таблицы не позволяет полностью согласиться с мнением Ю.Г. Рычкова относительно отсутствия выраженной гетерогенности тотальной краниологической серии памирцев, что является еще одной причиной, побудившей авторов вернуться к обсуждаемому материалу.

Прежде чем перейти к статистическому анализу, необходимо еще раз представить себе особенности того региона, о котором идет речь в исследовании. За последние полвека вышли новые работы, посвященные изучению сложной этнологической ситуации в Горном Бадахшане. Авторы

не ставили перед собой задачи подробного изучения всей литературы по этой непростой проблеме, и здесь будут упомянуты лишь некоторые факты и исследования, которые, как нам кажется, помогают в какой-то степени прояснить вопрос об этническом статусе, происхождении и взаимодействии памирских племен.

Памирцами называют несколько ираноязычных народов, которые населяют высокогорные области Памиро-Гиндукуша; их ареал разделен сегодня между Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Китаем. Памирцы Таджикистана живут в Горно-Бадахшанской автономной области. Иногда население Горного Бадахшана называют горными таджиками, однако обозначения «памирцы» и «горные таджики» для самих памирцев, как недавно выяснилось, имеют разный смысл. Специалисты в области этнолингвистики обнаружили, что жителей Горного Бадахшана отличает так называемое «многоступенчатое» этническое самосознание, при котором понятия национальной и этнической принадлежности оказываются неравнозначными [Лашкарбеков, 2006]. Если речь идет о национальной принадлежности, то все памирцы, действительно, относят себя к таджикам. При этом нужно иметь в виду, что этот этноним с давних времен относится не к одному народу, а к обширному сообществу родственных народов, говорящих на языках иранской группы. Лингвисты считают, что это понятие по своему объему сопоставимо с понятием «славяне», обозначая широкую языковую и культурную общность. Отнесение себя к таджикам составляет, по мнению исследователей, лишь верхнюю ступень всей конструкции этнического самосознания населения Горного Бадахшана. Следующей ступенью можно считать ощущение ими принадлежности к этнокультурной общности памирцев – «помири». Ведущую роль в этом определении играет культурная и религиозная специфика. Так, таджикоязычные горанцы-исмаилиты считают себя памирцами, в отличие от ванджцев и дарвазцев, которые исповедуют суннизм и к памирцам себя не причисляют [Лашкарбеков, 2006].

Самой первой, изначальной ступенью этнического самосознания памирцев, очевидно, является осознание ими своей принадлежности к одному из малых народов – шугнанцам, рушанцам, бартангцам, сарыгольцам, язгулямцам, ишкашимцам, мунджанцам, ваханцам, или горанцам (горонцам, как указано в некоторых источниках). Таким образом, этническая гетерогенность памирцев не вызывает сомнений.

Для решения проблемы реальности антропологической гетерогенности населения Горного

Бадахшана особенно интересны этнолингвистические данные относительно происхождения локальных групп памирцев. Изучение памирских языков показало, что, хотя все памирские языки относятся к юго-восточной ветви иранской группы, происхождение их различно и восходят они как минимум к четырем разным древнеиранским общностям, появившимся на Памире в разное время и из разных регионов. Предполагается, что языки народностей Памира сформировались в результате наложения древних иранских языков на местные субстратные неиндоевропейские языки. При этом лингвисты не исключают возможности конвергентного развития памирских языков [Эдельман, 1990].

Памирские языки делятся на две ветви, северную и южную. К северной ветви среди тех групп, которые рассматриваются и в работе Ю.Г. Рычкова, и в нашем исследовании, относятся шугнанцы и рушанцы. К южной группе относятся ишкашимцы. Между Шугнаном и Ишкашимом обитают горанцы (горонцы), представляющие таджикоязычных памирцев. Серия из Горана также входит в число изученных выборок.

По данным археологии, первые жители на Памире появились уже в каменном веке. Позднее, примерно в VII–VI вв. до н.э., территория Бадахшана была заселена ираноязычными сакскими племенами, при этом в литературе отмечается, что эти племена могли иметь самое разное происхождение. Как писал известный археолог и востоковед Б.А. Литвинский, проводивший исследования в Таджикистане и Центральной Азии, «...все объективные данные не оставляют ни малейших сомнений в том, что в древности на Памире проживали европеоидные по расовому типу восточноиранские сакские племена, составившие впоследствии один из важных пластов современных памирских народностей [Литвинский, 1972, с. 63].

Следует отметить, что, согласно Геродоту, «саки» для древних персов было таким же собирательным именем для малоизвестных им ираноязычных народов Средней Азии, каким для греков было название «скифы». Некоторые древние авторы саками называли скифов, населяющих Среднюю Азию [Дандамаев, 2009]. Таким образом, ираноязычными предками современных памирцев могли быть какие-то группы саков или скифов [Григорьев, 1871; Дандамаев, 2009]. Предполагается также, что Памир заселялся несколькими волнами, и отдельные памирские народы произошли из различных древних восточноиранских общностей [Лашкарбеков, 2006]. По-видимому, этногенез памирцев был связан со смешением древних иран-

ских племен с доиранским автохтонным населением Памира.

Вопрос о своеобразии населения Горного Памира неоднократно поднимался и в антропологической литературе. В работах Л.В. Ошанина и В.В. Гинзбурга подробно разрабатывался вопрос о формировании здесь памиро-ферганской расы [Ошанин, 1937; Гинзбург, 1937]. Проблема антропологии памирцев обсуждалась и многими современными исследователями [Хить, 1983; Пестряков, 1975; Дубова, 1978; Яблонский, 2000]. Основной целью нашей работы стал анализ краниологической гетерогенности памирцев, проведенный на широком сравнительном фоне народов Южной Сибири, Средней Азии и Кавказа, а также скифов Причерноморья.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили краниометрические и краниоскопические данные (13 измерительных и 37 дискретно-варьирующих признаков, далее ДВП) по краниологическим сериям, собранным в ходе Памирской антропологической экспедиции 1957 г. под руководством Ю.Г. Рычкова. Как было сказано выше, серии принадлежат средневековому и близкому к современности населению Западного Памира (XIII–XVIII вв.), относящемуся к ишкашимцам, горанцам, рушанцам и шугнанцам. Данные о памирцах и других краниологических сериях, использованных для сравнения, приведены в таблице 1.

Скифы Причерноморья (так называемые «поздние скифы») представлены краниологическими сериями из могильников Золотая Балка и Неаполь Скифский. Поскольку предыдущие исследования [Кондукторова, 1972; Мовсесян, 2010] показали, что серии из этих могильников достаточно близки друг к другу, в нашем анализе использовались их средние характеристики.

В своей книге Ю.Г. Рычков сознательно включает из краниологического анализа черепа XIII–XIV вв. из Шугнана (долина Шахдары), мотивируя свое решение тем, что простой визуальный анализ этой небольшой серии позволяет диагностировать в ней некоторую монголоидную примесь, а также руководствуясь некоторыми устными сообщениями современных шугнанцев. При этом автор признает возможность генетической преемственности между древним и современным населением Шугнана, допуская «выведение из наследственного фонда популяции монголоидных признаков, которое могло произойти за прошед-

Таблица 1. Краниологические серии, включённые в анализ (N – число исследованных черепов)

Серии		Краниометрические данные (мужские черепа)		Краниоскопические данные	
		N	Исследователи	N	Исследователи
1	Ишкашимцы	20	Бахолдина, 2007	61	Мовсеян, 2005
2	Горанцы	21	Бахолдина, 2007	96	Мовсеян, 2005
3	Рушанцы	11	Рычков, 1969	30	Мовсеян, 2005
4	Шугнанцы	6	Бахолдина, 2007	–	–
5	Узбеки	41	Гинзбург, 1963	64	Мовсеян, 2005
6	Киргизы	28	Бахолдина, 2007	85	Мовсеян, 2005
7	Иранцы Самарканда (ирани)	16	Алексеев, 1974	26	Мовсеян, 2005
8	Осетины – иронцы	218	Алексеев, 1974	95	Мовсеян, 2005
9	Шапсуги	28	Алексеев, 1974	42	Мовсеян, 2005
10	Абхазы	42	Алексеев, 1974	55	Мовсеян, 2005
11	Армяне	44	Бахолдина, 2007	129	Мовсеян, 2005
12	Тувинцы	53	Дебец, 1951	59	Мовсеян, 2005
13	Буряты	36	Дебец, 1951	40	Мовсеян, 2005
14	Хакасы	40	Алексеев, 1961	78	Мовсеян, 2005
15	Теленгеты	51	Дебец, 1951	90	Мовсеян, 2005
16	Скифы Причерноморья	88	Кондукторова, 1972	116	Мовсеян, 2010

шие полтысячелетия под действием сил стохастической природы в условиях изоляции» [Рычков, 1969, с. 33].

Представляется, однако, что серия из Шугна на все же заслуживает внимания, хотя бы уже по той причине, что шугнанцы представляют собой наиболее многочисленный из всех памирских народов, их численность на сегодняшний день составляет 105–110 тыс. человек, то есть почти половину всей численности малых ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша. Шугнанский язык, наряду с таджикским, используется как язык межэтнического общения [Лашкарбеков, 2006]. При этом Ю.Г. Рычков пишет, что «...сам по себе факт проникновения в прошлом монголоидов в долину Шахдары и вероятной метисации их с местным населением заслуживает внимания» [Рычков, 1969, с. 33]. И хотя в работе Ю.Г. Рыčkова содержится утверждение о полном отсутствии монголоидности у современных шугнанцев, этому, на наш взгляд, противоречат некоторые фотографии, приведенные в книге [Рычков, 1969, рис. 26, с. 36], а также отмечаемая автором большая высота лица у шугнанцев.

Дискретно-варьирующие признаки в памирской серии были впервые изучены Ю.Г. Рычковым в связи с гипотезой о «выщеплении» рецессивных мутаций в результате изоляции. Однако нами все серии были заново описаны по более полной программе, сопоставимой с накопленными сравнительными данными по палеофенетике популяций сопредельных территорий.

Статистическая обработка данных производилась с помощью следующих методов: 1) вычисления обобщенных расстояний методом Нея для дискретно-варьирующих признаков и евклидовой метрики для краниометрических данных; 2) кластерного анализа в программе Statistica 10 (метод Ward); 3) теста Мантеля в программе PAST для определения корреляций между матрицами расстояний по двум системам признаков.

С помощью теста Мантеля был вычислен коэффициент корреляций между двумя матрицами расстояний, построенными для всех групп, использованных в анализе. Следует отметить, что из матрицы расстояний по краниометрическим признакам были исключены шугнанцы, по которым отсутствуют данные о ДВП. Коэффициент корреляций между матрицами оказался равным 0.44 при $p < 0.005$. Довольно высокая статистически достоверная связь между двумя системами признаков, краниометрической и краниоскопической, является важным и весомым методическим обоснованием параллельного применения в анализе обеих групп данных.

Результаты и обсуждение

В качестве основного метода статистического анализа матриц обобщенных расстояний по двум системам признаков в работе был применен кластерный анализ. На рисунке 1 приводятся ре-

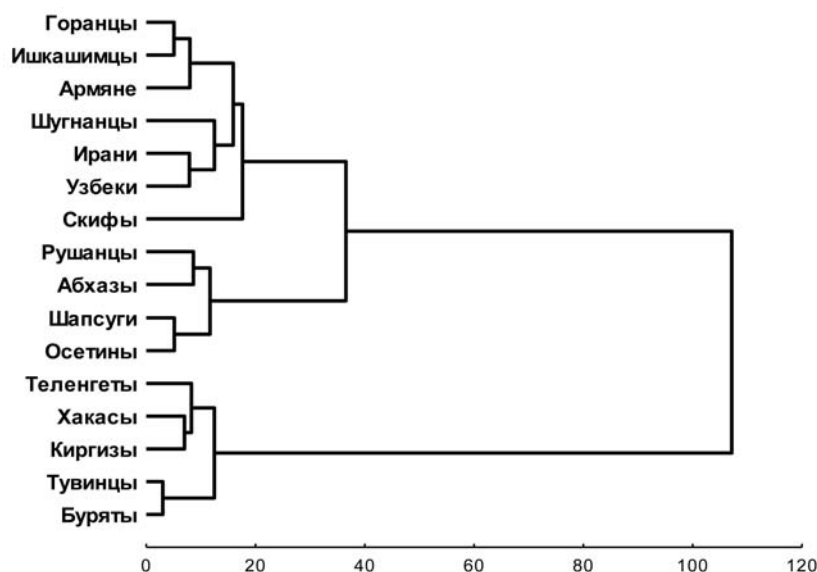

Рис. 1. Дендрограмма взаиморасположения групп по краниометрическим признакам

зультаты кластерного анализа для системы краниометрических признаков.

Система измерительных признаков отчетливо разделяет всю выборку на два объединения кластеров. Одно из них включает монголоидные серии бурят, тувинцев, киргизов, хакасов и теленгетов. Второе объединение кластеров оказывается более неоднородным в антропологическом отношении. Внутри этой большой группы серий горанцы и ишкашимцы объединяются в единый небольшой кластер, к которому примыкает серия армян. В соседнем кластере оказываются серии узбеков, ирани и серия из Шугнана. Памирская серия из Рушана располагается в одном кластере с абхазами, шапсугами и осетинами.

Полученные результаты очень интересны. Прежде всего, они свидетельствуют об антропологической гетерогенности памирцев. При этом разделение на Ишкашим-Горан и Рушан по краниометрическим данным соответствует этнолингвистическим подразделениям, согласно которым ишкашимцы относятся к южной группе памирских языков, а рушанцы – к северной. Что касается таджикоязычных горанцев, территориальных соседей ишкашимцев, то сходство между ними по краниологическим признакам можно трактовать по-разному. Возможно, антропологическая основа формирования этих разноязычных групп памирцев была единой, и лингвистические различия между ними возникли позже. Можно допустить и другое объяснение, которое заключается в том, что краниологическая серия из Горан на

самом деле принадлежит предкам ишкашимцев (или наоборот). Очевидно, основываясь лишь на данных результатах, трудно со всей определенностью объяснить факт большого сходства краниологических серий из Горана и Ишкашима, но само это сходство, несомненно, заслуживает внимания.

Серия из Шугнана находится в одном кластере с ирани и узбеками, в антропологическом типе которых отмечаются элементы монголоидности [Алексеев, 1974]. Таким образом, статистический анализ подтверждает некоторую внешнюю монголоидность шугнанской серии, о которой пишет в своей работе Ю.Г. Рычков. С другой стороны, согласно результатам анализа, степень монголоидности шугнанцев не слишком велика, в результате чего они остаются во втором кластере, где доминируют серии полностью европеоидного облика.

Итоги анализа системы дискретно-варьирующих признаков дают сходные результаты (рис. 2).

Прежде всего, здесь также выделяется кластер монголоидных серий и большой кластер серий, которые характеризуются европеоидными особенностями или промежуточными европеоидно-монголоидными чертами. Внутри этого второго, обширного кластера, горанская и ишкашимская серии также формируют общий компактный кластер, а рушанцы попадают в соседний кластер вместе с осетинами и армянами. Для серии из Шугнана данные о дискретно-варьирующих признаках отсутствуют, и она не включена в эту часть анализа.

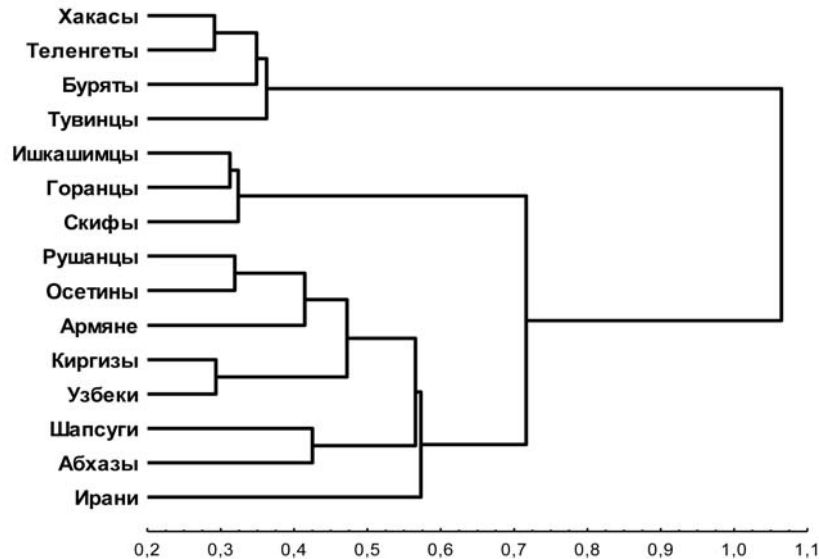

Рис. 2. Дендрограмма взаиморасположения групп по дискретно-варьирующим признакам

Несмотря на то, что взаимное положение серий при кластеризации по системе дискретно-варьирующих признаков несколько отличается от того, которое наблюдается по признакам краниометрическим, антропологическая гетерогенность памирцев и в этом случае вполне очевидна. Отмеченное Ю.Г. Рычковым сходство памирцев с народами Закавказья и Северного Кавказа по морфологическим признакам выявляется и по нашим данным. Действительно, и на первом, и на втором графике памирские серии оказываются в одних и тех же кластерах с кавказскими краниологическими сериями. По системе ДВП рушанцы образуют общий кластер с осетинами и армянами.

Рассмотрим теперь более детально результаты сравнения памирцев, причерноморских скифов и народов Кавказа. Кластерный анализ показал, что, за исключением армянской серии, которая по данным краниометрии и ДВП оказывается в разных кластерах, полученные дендрограммы практически идентичны (рис. 3 и 4). На обеих дендрограммах ишкашимцы и горанцы объединяются со скифами, а рушанцы отделяются от горанцев и ишкашимцев и объединяются с народами Кавказа.

Коэффициент корреляций между двумя матрицами обобщенных расстояний между группами, вычисленный с помощью теста Мантеля, оказался равным 0.41 при $p < 0.009$. Подобная скоррелированность краниометрических и краниоскопических данных представляется довольно важным результатом, который позволяет заключить, что выявлен-

ные закономерности в положении памирцев на дендрограммах не случайны и отражают специфику определенных этапов их этногенеза. Если бы генетическое своеобразие памирцев было связано, в первую очередь, с длительной изоляцией и являлось результатом генетического дрейфа, то по данным о дискретно-варьирующих признаках, довольно адекватно отражающих, как это было неоднократно показано, генетическую структуру популяций, памирцы заняли бы обособленное положение в сравнительном анализе. Однако на графиках мы наблюдаем совершенно иную картину, четко совпадающую по двум независимым системам признаков. В то же время совершенно очевидно, что выявленное сходство памирцев с популяциями Кавказа не может быть результатом длительных генетических контактов между ними. Следовательно, речь может идти лишь о некоем общем генетическом субстрате, выявляющемся при сравнении этих групп.

Весьма примечательно, что в кластеризации по измерительным признакам причерноморские скифы примыкают к кластеру, в состав которого входят ишкашимцы, горанцы и армяне. В кластеризации по ДВП скифы уже непосредственно объединяются с горанцами и ишкашимцами. Таким образом, на обоих графиках четко выделяется кластер, объединяющий ишкашимцев и горанцев со скифами Причерноморья. Еще раз стоит вспомнить о том, что скифы представляли собой племена, родственные сакам, роль которых в происхождении памирцев сегодня не вызывает со-

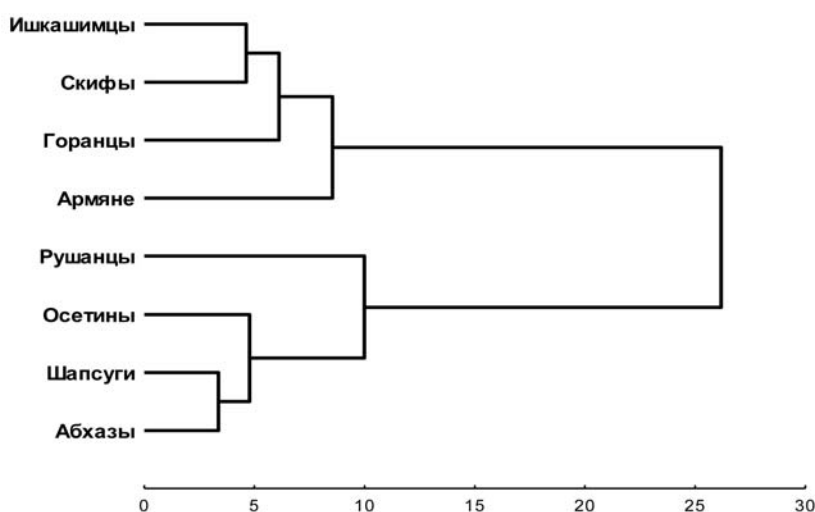

Рис.3. Дендрограмма взаиморасположения групп по краниометрическим признакам

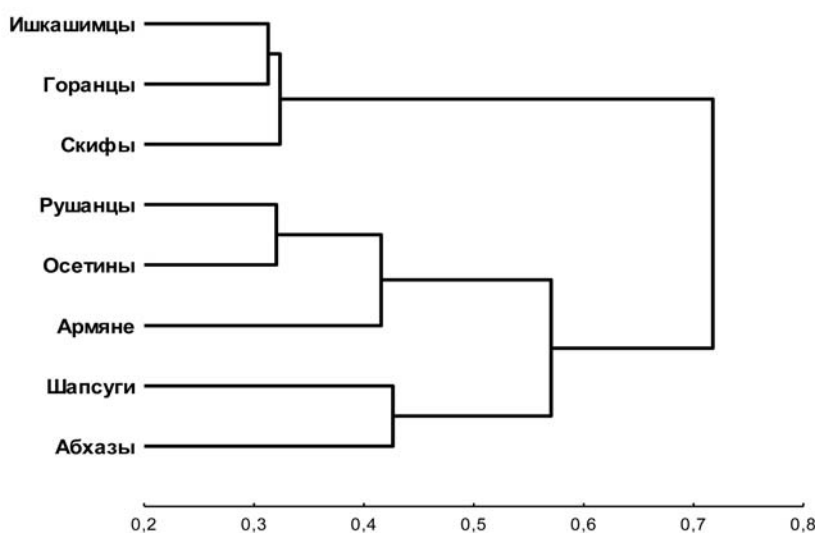

Рис. 4. Дендрограмма взаиморасположения групп по дискретно-варьирующим признакам

мнений. Возможно, одна из волн заселения Памира была связана с племенами, родственными причерноморским скифам, что служит подтверждением предположения Б.Б. Лашкарбекова о формировании памирских народностей на основе различных ираноязычных общностей [Лашкарбеков, 2006].

Возникает естественный вопрос о том, почему по результатам кластерного анализа не обнаруживается близости к скифам еще одной памирской серии, рушанцев. Однако на дендрограмме, построенной по дискретно-варьирующим призна-

кам, очевидно тяготение серии из Рушана к осетинам, этногенез которых также связывается с экспансией пришлых ираноязычных племен – аланов, скифов, сарматов, ассимилировавших местных горцев [Абаев, 1949; Калоев, 2004; Minahan, 2000]. Предполагается, что племенной союз аланов, занимавший предгорья Кавказа, распался после разгрома татаро-монголами в XIII веке. Уцелевшие аланы, укrywшиеся в горах Центрального Кавказа и в Закавказье, смешались с местными племенами и дали начало современным осетинам, на что указывает сходство осетинской культуры с

культурой скифо-сарматов и аланов [Калоев, 2004; Alemany, 2000; Minahan, 2000]. Следует отметить, однако, что решение вопроса о происхождении современных осетин и о степени участия аланского компонента в их формировании далеко не однозначно. Как пишет М.М. Герасимова, анализируя материалы из средневековых склепов Северной Осетии «...основной вопрос – об интенсивности взаимодействия между аланскими и горскими племенами и удельном весе каждого из них в расо- и этногенезе осетинского народа – продолжает оставаться открытым» [Герасимова, 1994, с. 60]. Тем не менее, вполне возможно, что в формировании рушанцев приняли участие родственные аланам ираноязычные племена, и близость рушанцев к осетинам вызвана сохранением следов этих племен в генофондах обоих народов.

Отдельного внимания заслуживает неоднократно обсуждавшийся в литературе вопрос об арменоидности памирцев. Как указывает в своей работе Ю.Г. Рычков [Рычков, 1969], мнение об «арменоидных» особенностях памирцев впервые было высказано и обосновано Л.В. Ошаниным [Ошанин, 1937]. Ю.Г. Рычков также подробно сравнивает обобщенную памирскую и армянскую серию и приходит к выводу о том, что «по большому комплексу признаков армянская серия представляет выраженный южно-европеоидный тип, в то время как памирская – тип более нейтральный в отношении южных черт» [Рычков, 1969, с. 118]. Однако близость армянской серии и локальных серий памирцев, обнаруженная в нашем анализе, вновь заставляет вернуться к этой проблеме.

Известно, что в процессе своего формирования армянский этнос находился в тесных контактах с иранскими народами. Так, С.А. Арутюнов пишет: «На территории Азербайджана, Южного Дагестана, всей нынешней Армении, Восточной и Южной Грузии весьма сильным было влияние иранских традиций: мидийских, парфянских, ахеменидских и сасанидских, связанных с маздаистскими и зороастрийскими культурами» [Арутюнов, 2012, с. 38]. Известно, что киммерийцы и скифы еще с VIII в. до н.э. совершали свои разрушительные набеги на Урартские территории [Дьяконов, 1951].

Можно было бы объяснить «арменоидность» памирцев проявлением в генофонде современных армян общего с памирцами древнеиранского компонента, однако против этого предположения свидетельствует несомненная генетическая преемственность между современным и древним населением Армении, начиная с эпохи бронзы, установленная как по краниометрическим, так и по краниоскопическим данным [Алексеев, 1974;

Мовсесян, 2005]. Тем не менее, возможно, что скифы, сарматы и аланы, неоднократно вторгавшиеся в области древней Армении, оставили все же некоторый след в генофонде армян. Несомненно, вопрос о причинах сходства памирцев с армянской краниологической серией требует дальнейших исследований, возможно, с привлечением молекулярно-генетических данных.

Заключение

По итогам проведенного в работе анализа можно сделать заключение о том, что памирские племена Горного Бадахшана обнаруживают явную антропологическую гетерогенность, которая проявляется при сравнении изученных нами краниологических серий. Краниологическая и краниофенетическая дифференциация памирцев совпадает с той, которая наблюдается по данным этнолингвистики.

Близость памирских серий к причерноморским скифам и к осетинам может рассматриваться как еще одно подтверждение участия в этногенезе памирцев древних ираноязычных племен.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-06-00442).

Библиография

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.- Л., 1949. Т. 1.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев В. П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Тр. Ин-та этнографии. Н. Сер. 1961. Т. 21. С. 107–206.
- Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 416.
- Бахолдина В. Ю. Изменчивость и таксономическая структура признаков краниофациальной системы человека. М., 2007.
- Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение, 1994. № 3. С. 51–62.
- Гинзбург В. В. Горные таджики // Тр. Ин-та археологии и антропологии. М.-Л., 1937. Т. 16. С. 475.
- Гинзбург В. В. Краниологическая характеристика узбеков // Тр. Ин-та этнографии. Н. Сер. 1963. Т. 82. С. 96–121.

- Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб.: тип. имп. Акад. наук, 1871. С. 203.
- Дандамаев М.А. Месопотамия и Иран в VII-IV вв. до н.э. Социальные институты и идеология. СПб., 2009. С. 321–327.
- Дебец Г.Ф. Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии // Тр. Ин-та этнографии. Н. Сер. 1951. Т. 16. С. 355–370.
- Дубова Н.А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Сов. этнография, 1978. № 4.
- Дьяконов И.М. Последние годы урартского государства по ассирио-вавилонским источникам. // Вестник древней истории, 1951. № 2.
- Калоев Б.А. Осетины: Историко-географическое исследование. М., 2004. 505 с.
- Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 154.
- Лашкарбеков Б.Б. Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2006. С. 272.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши мира. М., 1972. С. 272.
- Мовсесян А.А. Поздние скифы и сарматы по данным палеофенетики // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология, 2010. № 4. С. 43–49.
- Мовсесян А.А. Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005. С. 272.
- Ошанин Л.В. Иранские племена Западного Памира. Ташкент, 1937. С. 185.
- Пестряков А.П. Антропологическое изучение Юго-Востока Средней Азии (проблемы генезиса расы Среднеазиатского междуречья). Автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 1980.
- Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций. Древние изоляты Памира. М., 1969.
- Хитъ Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Эдельман Д.И. Памирские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990.
- Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о формировании расы среднеазиатского междуречья (в свете новых палеоантропологических материалов из Приуралья) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000. С. 5–21.
- Alamy A. Sources on Alans: A Critical Compilation, Handbook of Oriental Sources. Leiden, Boston, Cologne: Brill, 2000.
- Minahan J. One Europe, Many Nations. Greenwood Publishing Group, 2000.

Контактная информация:

Бахолдина Варвара Юрьевна: e-mail: vbaholdina@mail.ru;

Мовсесян Алла Арменовна: e-mail: amovsessyan@gmail.com.

THE CRANIOLOGY OF PAMIR HIGHLANDERS (BY CRANIOMETRIC AND DISCRETE VARIOUS TRAITS DATA)

V.Yu. Bakholdina, A.A. Movsesian

Lomonosov Moscow State University, Department of Anthropology, Moscow

The cranial series, representing the ancestors of indigenous peoples of Gorno-Badakhshan province of Tajikistan were studied by craniometric and discrete-various traits data. The results obtained reveal the craniological differences between Pamiri groups which match with ethno-linguistic data. The comparison of Pamiris with different ethnic groups from Central Asia, South Siberia and Caucasus has shown the similarity of Pamirian groups with Scythians, as well as with modern Armenians and Ossetians. These results can be explained by the possible participation of the Scythians and the tribes, related to them, in the ethnogenesis of a wide range of Eurasian peoples.

Keywords: *anthropology, craniology, Pamiri peoples, discrete-various traits*